

В начале 1914 года Александр Блок увидел в роли Кармен актрису Любовь Александровну Дельмас. Ее прекрасный низкий голос поразила не только его самого, но и самых близких к нему людей. «Поет она так, что я сама хожу замороженная и в нее влюбляюсь», — писала мать поэта.

Поэт стал посещать все спектакли, в которых пела Л. А. Дельмас, писал ей восторженные письма и посвятил цикл стихов «Кармен», «...Есть страсть — освободительная буря, когда видишь весь мир с высокой горы», — писал Блок.

Запев цикла «Кармен», вступление к нему овеяны дыханием этой подступающей бури:

Как океан меняет цвет,
Когда в нагроможденной туче
Вдруг польхнет мигнувший свет, —
Так сердце под грозой певучей
Меняет строй, боясь вздохнуть,
И кровь бросается в ланиты,
И слезы счастья душат грудь
Перед явленьем Карменситы.

Кармен, как молния, озаряет жизнь Хозе невиданно ярким светом, но блеск этот — грозен: любовь Кармен вырывает Хозе из привычной для него жизни. Блок писал Л. А. Дельмас, что ее Кармен «совершенно особенная, очень таинственная». Его собственная Кармен еще более оригинальна. Под впечатлением игры актрисы он создает свою трактовку и Кармен, и героя, одержимого страстью к ней, но не сливающегося с «пестрой толпою» ее поклонников.

Молчит и сумрачно глядит,
Не ждет, не требует участия,
Когда же бубен зазвучит
И глухо зазвенят запястья, —
Он вспоминает дни весны,
Он среди бушующих созвучий
Глядит на стан ее певучий
И видит творческие сны.

В первом письме к Л. А. Дельмас, говоря о своем «гимназическом» поведении (покупке ее карточек), Блок прибавляет, что «...все остальное как-то давно уже совершается в «других планах»...»

Вот в таких «других планах» и предстает перед нами блоковская Кармен, «Все становится необычайно странным», как говорится в ремарке его пьесы «Незнакомка».

Цикл Блока — это и впрямь «творческие сны» о Кармен.

Исчезает не только «рыженькая, красивая» женщина, какой многим казалась Л. А. Дельмас вне сцены. Преображается и та, о которой с таким восторгом писала тетка поэта М. А. Бекетова: «Прекрасны линии ее высокого, гибкого стана, пышно золотое руно ее рыжих волос, обаятельно неправильное переменчивое лицо... И при этом талант, огненный артистический темперамент и голос, так глубоко звучащий на низких нотах. В этом пленительном образе нет ничего мрачного или тяжелого. Напро-

тив — весь он солнечный, легкий, праздничный».

Первая строфа блоковского стихотворения почти воспроизводит этот портрет:

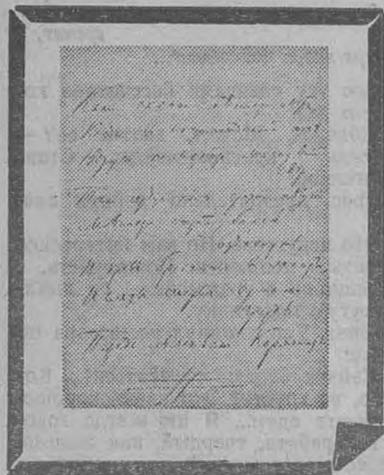
Есть демон утра. Дымно-светел он,
Золотокудрый и счастливый.
Как небо, синь струющийся хитон,
Весь — перламутра переливы.

Но во второй, заключительной строфе героиня словно увидена в каких-то волшебных лучах, обнаруживающих глубинную суть вещей:

Но как ночью тьмой сквозит лазурь,
Так этот лик сквозит порой ужасным,
И золото кудрей — червонно-красным,
И голос — рокотом забытых бурь.

переведенное Лермонтовым, — «На севере диком стоит одиноко...» Еще сильнее проступает это сходство в стихотворении «О да, любовь вольна, как птица...» Трагически звучит мотив неизбежной разлуки и зовущего поэта «дальнего», крестного пути, который непременно будет представляться возлюбленной при воспоминании о герое... И это снова роднит цикл «Кармен» с поэмой «Соловиный сад», где герой расстается со счастьем любви ради «каменистого» пути, «большой дороги» — жизни.

Но блоковская Кармен и обитательница соловиного сада совсем не тождественны друг другу. В героине цикла есть еще один «план». Ее образ переливается всеми цветами жизни, как океан, кар-

ТВОРЧЕСКИЕ СНЫ

Так образ «певучей грозы» не остается просто эффектной «заставкой» к циклу, а усложняется и обогащается оттенками, «другими планами».

Встреча с Л. А. Дельмас в зрительном зале претворяется у поэта во встречу с самой стихией искусства.

Поэт угадывает в своей героине собрата по искусству со всеми его победами и трагедиями. Он с наслаждением впитывает этот высокий дух искусства, подобно тому, как Хозе в повести Мериме, ставшей основой для знаменитой оперы, был взволнован уже тем, что Кармен говорит на его родном, баскском наречии.

Но и это только один из разных «планов», в которых происходит действие цикла. «Рокот забытых бурь», «отзвук забытого гимна», лев, угрожающий из-за решетки, — все это тревожащие, влекущие воспоминания о «далеких странах страсти».

Ты — как отзвук забытого гимна
В моей черной и дикой судьбе.
О, Кармен, мне печально и дивно,
Что приснился мне сон о тебе.
То, что Кармен видит во сне, остается для поэта «недоступной мечтой»:

Видишь день беззакатный и жгучий
И любимый, родимый свой край,
Синий, синий, певучий, певучий,
Неподвижно-блаженный, как рай.

Этот рай, где даже ветви сплетены, словно руки в объятье, как бы предваряет «очарованный сон» соловиного сада, который вскоре будет изображен в известной блоковской поэме.

Уже в этих двух снах любящих — сне героя о Кармен и сне Кармен о своем родимом крае — есть что-то напоминающее прославленное стихотворение Гейне,

тиной которого начинается «Кармен». И вот сквозь «дымно-светлый» облик проступает иной — «ужасный», в пушкинском смысле этого слова («Лик его ужасен. Движенья быстры. Он прекрасен» — говорит в «Полтаве» о Петре).

Мы — в том таинственном поэтическом мире, где, как заметил однажды сам Блок, если задаться целью разделить «песни личные» и «песни объективные», «сам черт ногу сломит». «Рокоты забытых бурь», «отзвук забытого гимна», лев, томящийся за решеткой, — все это неуловимо играет отблесками воспоминаний и мыслей о «певучей грозе» революции, о «голосе черни многострунном», как сказано в одном из блоковских стихов 1905 года, о могучем океане народной стихии.

В заключительном стихотворении цикла звучит удивительное для любовных стихов признание:

Нет, никогда моей, и ты ничьей
не будешь.
Так вот что так влекло сквозь бездну
грустных лет,
Сквозь бездну дней пустых, чье бремя
не избудешь.
Вот почему я — твой поклонник и
поэт!

«Явленье Карменситы» в этом широком смысле обнимает собой все важнейшие стороны тогдашней, драматически напряженной, полной предгрозового накала действительности.

И снова, как прежде, на голос собрата-художника душа поэта взволнованно и согласно откликается «певучей грозе»:

Но я люблю тебя; я сам такой,
Кармен.

С тех пор как были созданы эти стихи, минуло более полувека. Навсегда отзвучал «низкий и странный» голос Л. А. Дельмас. Недавно не стало и ее самой.

Но высокое вдохновение, которым дышала ее игра, не исчезло бесследно, а по-своему претворилось и запечатлелось в лирике поэта.

А. ТУРКОВ,

НА СНИМКАХ:

● Автограф стихотворения Блока «Как океан меняет цвет...». Собрание Н. П. Ильина.

● Л. А. Дельмас в роли Кармен («Хабанера»). Собрание Н. П. Ильина.